Глорфиндель больше не задавал вопросов, даже когда Элион разрыдался, заливаясь горькими слезами. И за это юный полуэльф был безмерно благодарен. Он не знал, как бы ответил на них, слишком свежа была боль утраты, слишком острой — рана. Слезы утихли, но Элион продолжал лежать, прижавшись к груди Арагорна, пряча лицо в складках его плаща, не в силах поднять взгляд и встретиться с глазами эльфа. Он чувствовал, как Глорфиндель напряжен, ощущал его силу, но эльф молчал, словно укрываясь от него. Неужели он не разгневан? Неужели он не взрывается яростью? Элион не мог себе этого представить. Тогда и Арагорн разозлится на него, ведь он разгневал эльфа, который должен был быть его другом. А этого Элион боялся больше всего на свете. Злиться на взрослого — значит причинить ему боль, а после той доброты, что проявил Арагорн, это было бы непоправимым проступком. Он чувствовал себя уродливым, обузой, убийцей, и, хотя знал, что все это временно, боль не утихала. Он вцепился в плащ рейнджера, словно в спасательный круг. Скоро ему не позволят этого делать, и он хотел сохранить ощущение тепла, защищенности, заботы как можно дольше. Арагорн по-прежнему крепко обнимал его, шептал слова утешения, пока Элион плакал. И только теперь, когда слезы утихли, рейнджер перестал успокаивать его и заговорил с Глорфинделем. Но они говорили на общем языке. Элион вздрогнул. Это одновременно радовало и пугало его. Радовало, что ему не придется выслушивать лишние вопросы, но пугало, что, если они разговаривали на общем языке, когда Глорфиндель был эльфом, значит, они говорили о чем-то, что он не должен слышать. Единственное, что приходило в голову, — это то, что они обсуждали, как от него избавиться. Эта мысль ударила его с силой удара молнии. — Малыш, — раздался мягкий голос Арагорна, — что случилось?Элион не услышал беспокойства в его голосе, но его мысли были сосредоточены на страхе быть брошенным. Он не хотел ждать, ожидание было мучительнее, чем реальность. Он хотел знать, что происходит.— Когда ты собираешься это сделать? — прошептал он почти неслышно, голос срывался на полуслове.— Что, Элион? — спросил Арагорн, в его тоне звучали озабоченность и растерянность.Элион поднял голову, в глазах его читалось предательство. Он не считал Арагорна жестоким, но то, что он отрицал очевидное, ранило его сильнее, чем сам факт отказа. Было легче, когда никто не притворялся, что ему не все равно. Но когда он встретился с взглядом Арагорна, то не увидел в нем ничего, кроме искреннего смятения и беспокойства. Это взволновало его настолько, что он прошептал:— Избавься от меня.Раздался резкий вздох, а затем он почувствовал, как руки Арагорна сжались вокруг него. Он оказался в таких объятиях, какие только возможны во время верховой езды. — Я не собираюсь избавляться от тебя, малыш, — свирепо сказал Арагорн, в его голосе звучала искренность.Но Элион уже тряс головой, в его голосе звучали истерические нотки. — Хватит врать! — закричал он. Все всегда лгали, и это причиняло боль. Он не мог просто сказать правду: «Хватит врать. Все меня бросают. Я урод и обуза, никому до меня нет дела. Хватит врать». Последние слова были не более чем шепотом. Он смутно осознавал, что они остановились, что хоббиты и Глорфиндель наблюдают за ним, но все его внимание было приковано к рейнджеру. Он почувствовал, как тот поднял его из седла, и закрыл глаза, понимая, что его сейчас бросят. Но тут же открыл их, почувствовав, как Арагорн прижимает его к груди, оберегая. Он посмотрел в голубые глаза, и в них не было ни коварства, ни обмана — только забота, защита и доброта.— Нет, малыш, — прошептал Арагорн, — я не лгу и не собираюсь тебя бросать. Ты в безопасности.— Но разве ты не сердишься? — спросил Элион, его голос едва превышал шепот.— С чего бы мне злиться, малыш? — удивился Арагорн.Элион сбивчиво объяснил, но не успел он договорить и половины, как рейнджер покачал головой.— Нет, Элион, — мягко сказал он ему, — ни Глорфиндель, ни я не сердимся на тебя. Ты пережил нечто ужасное, и тебе позволено плакать и расстраиваться. Мы не сердимся.Элион долго смотрел на Арагорна своими пронзительно-зелеными глазами: он начинал верить ему, но все еще не был до конца уверен. Очень медленно, не сводя глаз с лица рейнджера, он протянул руку и вцепился в тунику Арагорна, ожидая, что тот отдернет пальцы и бросит его. Когда Арагорн не сделал ни единого движения, лишь ласково улыбнулся ему, Элион расслабился и позволил рейнджеру усадить его обратно в седло. Они снова поехали, но Элион продолжал

крепко сжимать пальцы в грубой ткани туники Арагорна.Он задремал, когда лошади перевалили через последний хребет и въехали в долину. Постоянное движение, требующее регулировки и контррегулировки во время езды, утомило его, не говоря уже об эмоциональном потрясении, вызванном допросом и последующими событиями. В небе сгущались сумерки, и воздух был прохладным, когда его разбудило легкое пожатие плеча. Он моргнул, отгоняя сон, и машинально напрягся, прежде чем понял, что это Арагорн разбудил его, и расслабился. Из всех людей, встреченных им до сих пор в этом новом мире, рядом с Арагорном он чувствовал себя в наибольшей безопасности и был абсолютно уверен, что тот не собирается причинять ему вред. — Мы достигли Ривенделла, малыш.Элион проследил за его взглядом и посмотрел вниз, в долину: город приютился на склоне долины и возвышался над рекой. Сквозь окна и двери мягко пробивались огни, освещая здания в полумраке. Весь город выглядел мирно, но Элион чувствовал в нем ту же силу и возраст, что и в Глорфинделе. Это заставляло его нервничать, но именно сюда Арагорн отправил Фродо, чтобы тот исцелился, и сюда же привел их. И впервые с тех пор, как он встретил их, он почувствовал, что Арагорн полностью расслабился. И это, как ничто другое, успокаивало его. Он не знал, почему, но ему казалось, что он доверяет Арагорну, или, по крайней мере, доверяет ему настолько, чтобы чувствовать себя рядом с ним комфортно и быть уверенным, что он не станет намеренно подвергать их опасности и постарается защитить их. Спокойствие, окутавшее его, говорило о том, что Ривенделл не таил в себе угрозы. Возможно, это место было просто старым и могущественным, как Хогвартс, и именно эта древняя сила не давала ему покоя. Теперь, когда он проснулся, сон упорно отказывался возвращаться, особенно в окружении такого множества чудес. Впервые в этом новом мире он увидел жилье, признаки человеческого присутствия, помимо Арагорна и хоббитов. Новые здания, места, вызывавшие любопытство, будили в нем чувство изумления. — Даже если я не знаю, что нас ждет в этом городе, — шептал он себе, — это не мешает мне смотреть. Все так непохоже на мой старый мир. — Он смотрел на изящные здания, словно выросшие из окружающих их деревьев, становясь частью пейзажа. Красота и открытость, которых он не видел в Англии, окутывали его, а особая величественность, непонятная ему, заставляла сердце биться чаще.

http://tl.rulate.ru/book/103154/3587792